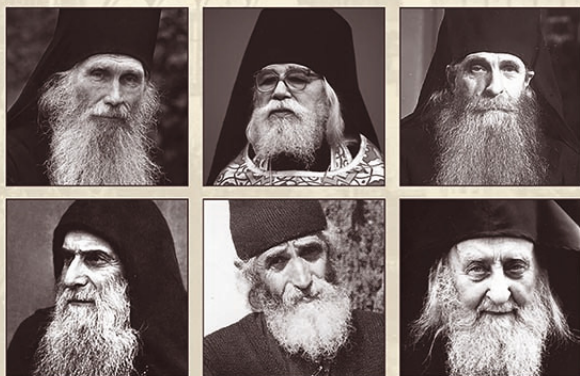

МИТРОПОЛИТ ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ)

СВЯТЫЕ наших дней

Архимандрит Кирилл (Павлов)
Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)
Святитель Зиновий (Мажуга)
Преподобный Гавриил (Ургебадзе)
Преподобный Паисий Святогорец
Схиархимандрит Софроний (Сахаров)

Иларион (Алфеев)

Святые наших дней

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65847294

Святые наших дней / Митрополит Иларион (Алфеев): Познание;

Москва; 2021

ISBN 978-5-6044874-5-7

Аннотация

Книга митрополита Илариона «Святые наших дней» посвящена выдающимся подвижникам нашего времени: архимандриту Кириллу (Павлову), архимандриту Иоанну (Крестьянкину), святителю Зиновию (Мажуге), преподобному Гавриилу (Ургебадзе), преподобному Паисию Святогорцу и схиархимандриту Софронию (Сахарову).

Выбор этих подвижников неслучаен: автору довелось лично встречаться с ними. В своей книге он делится воспоминаниями об этих святых людях, рассказывает об их жизни и трудах.

Книга содержит множество иллюстраций, в числе которых впервые публикуемые фотографии из личного архива митрополита Илариона.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	7
Архимандрит Кирилл (Павлов)	13
Детство и юность	32
Война	47
Московские духовные школы	76
Троице-Сергиева лавра	96
Проповеди отца Кирилла	122
Конец ознакомительного фрагмента.	138

**Митрополит
Иларион (Алфеев)
Святые наших дней**

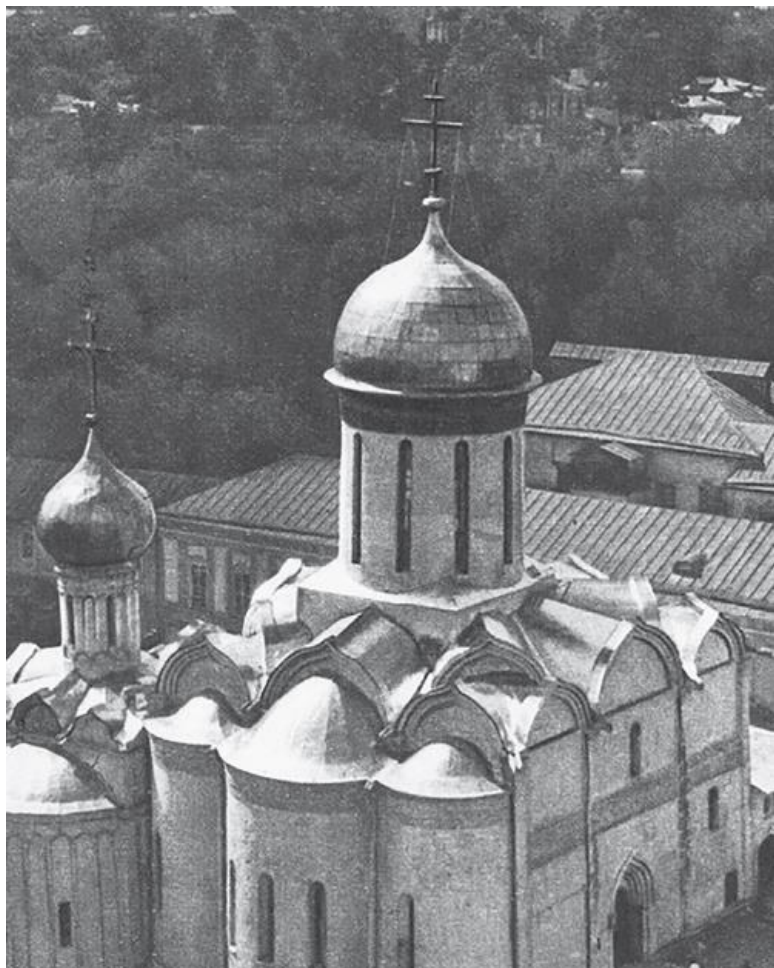
ДОПУЩЕНО К РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ИЗДАТЕЛЬСКИМ СОВЕТОМ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ИС Р21-102-0049

© Митрополит Иларион (Алфеев), 2021

© Издательский дом «Познание», оформление, 2021

Предисловие

В пятнадцать лет я очень сильно влюбился. Настолько сильно, что отступили на второй план все другие привязанности, симпатии и интересы: моя избранница просто вытеснила их из моего сердца, полностью заняв его собой, и я твердо решил связать свою жизнь только с ней.

Моей избранницей стала Церковь. С тех пор и поныне она остается главной любовью моей жизни. Ей я отдал сердце, ей посвятил лучшие годы. И она отблагодарила меня такими щедрыми дарами, о каких я даже и мечтать не мог до того, как встретил ее.

В то время Церковь была не такой, как сейчас. Сегодня о ней говорят, пишут, ее показывают по телевидению, о ней рассуждают в интернете и социальных сетях. А тогда о ней не знал почти никто. Не было ни интернета, ни социальных сетей, были только газеты и несколько государственных телевизионных каналов, но в них Церковь либо полностью отсутствовала, либо о ней лгали.

Сейчас в любом книжном магазине есть отдел «Религия». А тогда религиозной литературы в принципе не было в открытом доступе. В школьных и районных библиотеках непременно присутствовала антирелигиозная литература, но ни Библии, ни Евангелия, ни иной духовной литературы не было. Они, конечно, в небольших количествах печатались – на машинках, на ксерокопировальных аппаратах. Но делалось это тайно, подпольно. И распространялась такая

литература исключительно в «самиздате».

Был еще «тамиздат» – книги, изданные на западе и доставленные нелегально в Советский Союз: в основном Новые Заветы или другие книги зарубежных издательств. Но раздобыть такие книги было еще сложнее, чем самиздатские перепечатки.

Вся гигантская машина государственной пропаганды работала на то, чтобы вложить в умы людей несколько устойчивых стереотипов: 1) религия – это отмирающее явление; 2) в церковь ходят только бабушки; 3) наука доказала, что Бога нет. Тезис о коренном противоречии религии и науки вдалбливался в умы и в школе, и в высших учебных заведениях.

Вся верхушка общества состояла в партии, вся молодежь – в комсомоле, дети среднего школьного возраста были пионерами, а младшего – октябрятами. И на всех уровнях атеистическое мировоззрение было обязательным. Те, кто открыто исповедовал свою веру, были обречены на то, чтобы становиться изгоями в обществе, пронизанном атеистической пропагандой сверху до низу. Чаще же всего верующие просто скрывали свою принадлежность к Церкви, тщательно прятали ее – даже от близких.

В тех условиях найти «дорогу к храму» было непросто. И, тем не менее, в конце 70-х годов происходило, пусть и подспудно, то религиозное возрождение, которое приобрело массовый масштаб в конце 80-х. Это было целое движе-

ние, охватившее, прежде всего, читающую и думающую интеллигенцию. К православной вере, как правило, приходили не сразу и не прямо, а окольными путями: через увлечение различными философскими течениями, альтернативными марксизму-ленинизму, в том числе русской религиозной мыслью. Так пришла к вере моя мама, профессиональный журналист и писатель.

Мне было одиннадцать лет, когда я был крещен. И сразу началась для меня новая жизнь. Это была встреча с таинственным, закрытым, ранее совершенно не известным миром. Стали появляться в моей жизни священнослужители – люди, которые жили в другой реальности. Еще недавно я и не подозревал о существовании этого параллельного мира, и вдруг он не просто вошел в мою жизнь, но стал занимать в ней все более существенное место, отодвигая на второй план остальные увлечения и интересы.

Встреча с Церковью стала главным событием моей жизни. Я учился в музыкальной школе, и предполагалось, что я стану профессиональным музыкантом. Но знакомство с Церковью перевернуло все мои представления о мире и жизни, о настоящем и будущем. К решению посвятить жизнь Церкви, а не музыке меня подвигло, прежде всего, общение со священнослужителями и монахами – теми, кто избрал Церковь своей невестой, решив отдать ей всю жизнь без остатка.

Есть люди, самым присутствием своим на земле свидетельствующие о Царстве Небесном. Таких людей очень

немного, и не каждому на своем жизненном пути доводится встретить хотя бы одного. Но если кому посчастливилось такого человека увидеть, память о встречах с ним никогда не изгладится из сердца. Мне посчастливилось встретиться с такими людьми, и о них я хотел бы рассказать в этой книге.

Я не случайно назвал ее «Святые наших дней». Часто думают, что святость – это феномен прошлого, что в наше время быть святым невозможно. Но я своими глазами видел святых, общался с ними. И они будут появляться в книге в том порядке, в каком они появлялись в моей жизни.

Из тех шести людей, о которых пойдет речь, четверо уже причислены к лику святых, двое пока нет. Но для меня все они были и остаются носителями подлинной святости, их имена для меня священны. Встречи с ними определили мой жизненный путь, оставили неизгладимый след в моей душе, во многом сформировали мое мировосприятие. Они были выразителями всего самого светлого, радостного, глубокого и прекрасного, чем мы обладаем в нашей Святой Православной Церкви. Каждый из них нес свое послушание, свой крест и свой подвиг, и ни один не был похож на другого. Но все они были похожи на Христа – такого, каким Он раскрывается нам при чтении Евангелия.

Общение с ними укрепляло во мне желание служить Церкви. Мир, в котором они жили, становился моим миром, и мне хотелось в этом мире остаться. Наверное, мне очень повезло, потому что в юности я почти не встречал в сре-

де священнослужителей отрицательные примеры. А если и встречал, то они не затемняли в моем сознании тот светлый, незамутненный и неземной образ Церкви, который глубоко вошел в мое сердце.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

В Троице-Сергиеву лавру мы с мамой начали ездить вскоре после моего крещения. Вставать надо было ни свет ни заря, идти до метро по темным московским переулкам, ехать несколько остановок на метро до Ярославского вокзала, потом полтора часа на электричке. От нее идти пешком через унылый советский городок, некогда называвшийся Сергиевым Посадом, а в советское время получивший имя Загорск в честь революционера Загорского.

Троице-Сергиева лавра.

1970-е гг.

Внутри лавры атмосфера была совершенно иной, чем в городе. Здесь было красиво, чисто, ухоженно. Вся жизнь лавры подчинялась ритму богослужений. Рано утром совершался братский молебен у мощей преподобного Сергия в Троицком соборе, потом богослужение продолжалось в Трапезном или ином храме. А после богослужения, часов с восьми-девяти утра начинал принимать посетителей духовник лавры архимандрит Кирилл.

Чтобы попасть к нему, надо было прийти затемно. Обычно еще во время братского молебна у ворот, ведущих на территорию, где проживали монахи, начинала собираться толпа, которую потом запускали внутрь. Люди проходили в небольшую прихожую, заваленную коробками с одеждой и продуктами. Там могло одновременно находиться до двадцати человек: кто-то сидел, кто-то стоял. Ожидание иногда длилось долгие часы, так как с каждым батюшка беседовал не спеша. Однажды (это было 29 октября 1982 года) мы с мамой прождали там десять часов, прежде чем смогли увидеть отца Кирилла на двадцать минут.

Из прихожей – ее называли «посылочной», так как там складывали ящики со всякой всячиной (продуктами, одеждой, обувью, церковной утварью) – дверь вела в небольшую келью, сплошь увешанную иконами. Здесь на стульчике си-

дел отец Кирилл. Он приветливо встречал каждого посетителя, молился вместе с ним, а потом терпеливо его выслушивал. Отвечая на вопросы, он обычно был очень немногословен. Часто прямо во время беседы углублялся в молитву, а советы давал простые и незатейливые.

Троице-Сергиева лавра.
1970-е гг.

У него был удивительный взгляд: простой, прямой, мягкий, добрый и кроткий. Весь его иконописный облик свиде-

тельствовал о постоянном присутствии в нем Христа.

Мне было лет двенадцать или тринадцать, когда я впервые увидел отца Кирилла. Мы с мамой приехали к нему не потому, что были какие-то проблемы, требовавшие решения, а просто чтобы увидеть святого человека.

Игумен Кирилл (Павлов) в своей келье.

Троице-Сергиева лавра

С пятнадцати лет я стал регулярно ездить к нему. Главный вопрос, который меня в то время интересовал, это как подготовиться к монашеству и священству. К тому времени я уже твердо решил для себя, что хочу посвятить жизнь Церкви. И вот отец Кирилл терпеливо своими кроткими советами готовил меня к этому служению.

Он подарил мне мои первые четки и научил по ним молиться. Произносить Иисусову молитву, говорил он, надо полностью: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Стремиться к тому, чтобы произнести большое количество молитв – сто, двести, пятьсот, тысячу – ни в коем случае не следует. «Лучше пять слов сказать умом, чем тьму слов языком», – эти слова апостола Павла он часто напоминал в связи с Иисусовой молитвой. И советовал произносить по десять-пятнадцать молитв, но не спеша, с вниманием.

Он говорил, что во время молитвы нельзя отвлекаться, а надо всегда иметь Спасителя в сердце. Но как можно не отвлекаться от молитвы? Как бороться с посторонними помыслами? К тому времени я уже был достаточно начитан в аскетической литературе. Читал, например, «Метод священной молитвы и внимания» – сочинение, приписываемое Симеону Новому Богослову, а также другие писания из «Доброто-

любия» о методе соединения молитвы с дыханием. Там говорится, что при молитве Иисусовой надо сесть на низкий табурет в темном углу, опустить голову и произносить про себя молитву, часть на вдохе, другую на выдохе, закрыв глаза и направив внимание в сердце.

Отец Кирилл не одобрял этот метод и говорил, что молиться надо просто, не думая о дыхании, а думая о Христе. В молитве, говорил он, не надо искать никаких ощущений, не надо пытаться узреть Божественный Свет, который видел Симеон Новый Богослов, а надо просто беседовать со Христом.

Когда я спрашивал его о молитвенном правиле, он говорил, что нужно утром читать утренние молитвы, а вечером вечерние, но не забывать каждый день читать хотя бы по главе из Апостола и из Евангелия. При этом он всегда напоминал о том, что лучше иметь короткое, но постоянное молитвенное правило, чем длинное, но совершаемое только иногда, под настроение.

Обычно он не отпускал посетителей с пустыми руками. Кто-то уходил от него с иконкой, кто-то с четками, кто-то с книжкой. В наше время всего этого хватает с избытком, а в те времена каждый такой предмет воспринимался как святыня, как драгоценность. И у отца Кирилла на подоконнике всегда лежал запас таких маленьких подарочков, которые он вручал каждому из приходивших. Еще часть подарков извлекалась из сложенных вдоль стены «посылочной» ящиков,

коробок, пакетов и мешков.

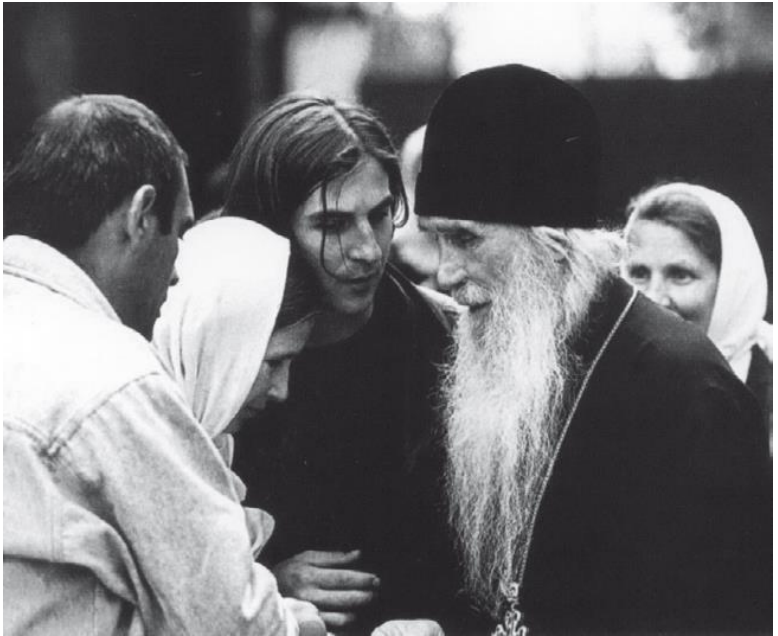
Игумен Кирилл (Павлов) у мощей прп. Сергия Радонежского.

Фото из архива смотрителя Троицкого собора лавры игумена Корнилия (Мороза)

То, что особенно привлекало к нему, была его способность любить всех людей. Даром бескорыстной и жертвенной любви к ближнему обладают далеко не все священники и духовники. Отец Кирилл в полной мере обладал этим даром, и любовь его изливалась на всех. Никто не уходил от него не утешенным, не умиротворенным, не окрыленным, не по-

лучившим новые силы на продолжение жизненного подвига. И это при том, что отец Кирилл никогда не говорил чего-либо экстраординарного или неожиданного.

Поражала его память. Он, например, помнил, о чем шла речь на предыдущей встрече, даже если она состоялась несколько месяцев назад. За эти месяцы через него прошли тысячи людей, но он всех их носил в памяти, потому что для каждого в его сердце было свое место.

Архимандрит Кирилл с паломниками.

1990-е гг.

«Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение». Эти слова преподобного Амвросия Оптинского я впервые услышал от отца Кирилла. Они были созвучны его мирному и кроткому внутреннему устройству, его незлобию и простоте. В то же время он с почтением относился к каждому приходившему и общался с ним как бы на равных, будь то пятнадцатилетний школьник или убеленный сединами старец.

Еще одно редкое качество отличало отца Кирилла от многих: смирение. Оно проявлялось в его взгляде, в его походке, жестах, в том, как он разговаривал с людьми. Господь говорил: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим». Эти слова часто вспоминались при общении с отцом Кириллом. Он был кроток и смирен сердцем, и рядом с ним люди успокаивались, обретали внутренний мир и тишину.

Перед уходом в армию я приходил за благословением к отцу Кириллу. В это время советские войска воевали в Афганистане, и угроза попасть туда висела над каждым призывником. Я этого боялся, а еще больше этого боялась мама. Она всех просила молиться обо мне, включая тогдашнего ризничего лавры иеромонаха Варсонофия, ныне митрополита

Санкт-Петербургского.

Но отец Кирилл успокаивал, говорил, что все будет хорошо. И по молитвам всех, кто за меня переживал, моя армейская служба прошла благополучно: я служил в военном оркестре пограничных войск на окраине Москвы, в непосредственной близости от дома.

Виленский Свято-Духов монастырь.

Фото 1970-х гг.

Когда после армии я решил уйти из консерватории и поступить в монастырь, я снова поехал к отцу Кириллу. У меня не было колебаний относительно выбора пути: я твердо знал, что хочу быть священником и монахом. И не было вопроса, куда ехать: Виленский Свято-Духов монастырь я хорошо знал, ездил туда еще школьником и поступить хотел именно туда. Отец Кирилл все эти намерения радостно одобрил и благословил меня на монашеский путь. Но мама и тогда сильно за меня переживала. Когда я уже уехал в Литву, она пришла к отцу Кириллу, чтобы поделиться беспокойством о моей судьбе. Ведь неудачно женившись, можно потом развестись и жениться еще раз, а из монашества обратного пути нет. Может быть, не стоит так спешить?

– Если есть призвание к монашеству, не надо откладывать. За чистоту Бог дает благодать, – ответил отец Кирилл.

– Но ведь ему всего двадцать лет. Как угадать, есть призвание или нет?

– А вот если ему в монастыре будет все нравиться, и он будет всем нравиться, значит, там ему и место. А если нет, Бог Сам укажет.

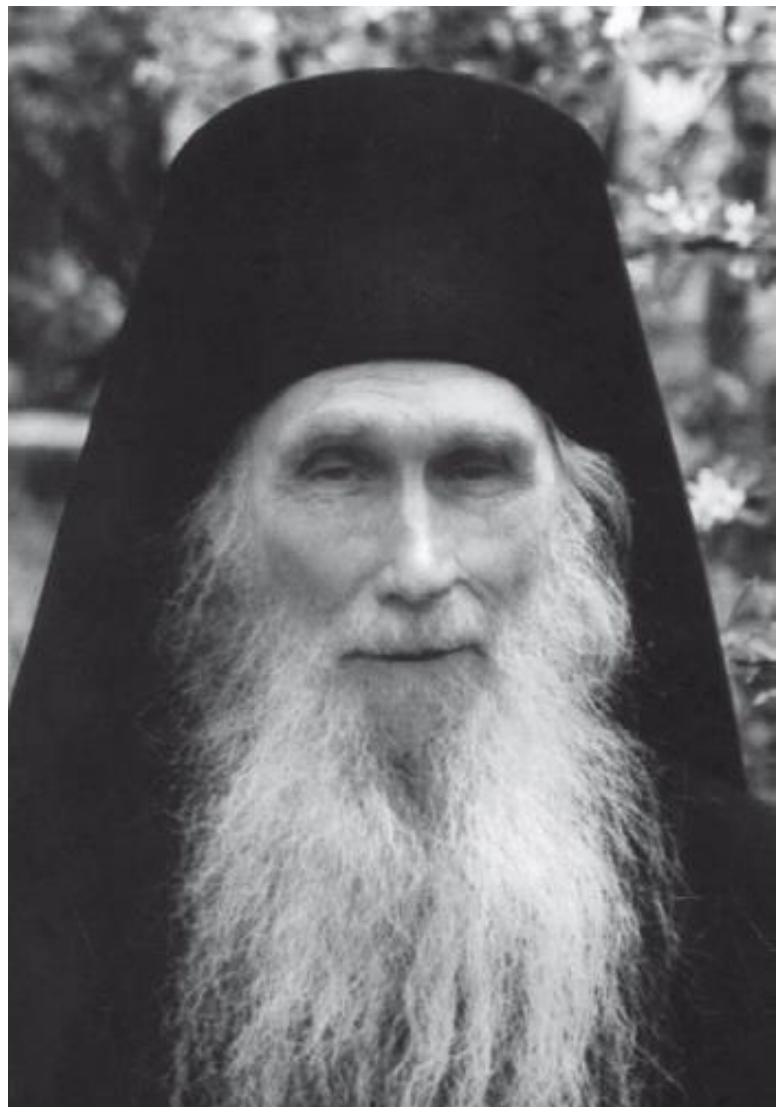

Архиепископ Виленский и Литовский Викторин (Беляев)

Так все и получилось. Я приехал в монастырь, мне там все нравилось, и все были мне рады. Владыка Викторин, архиепископ Виленский и Литовский, которого я знал еще до армии, встретил меня приветливо, я даже был некоторое время его келейником. И когда полгода спустя меня постригли в монашество и нарекли Иларионом, на душе было радостно и светло. Никаких колебаний или сомнений в правильности выбора у меня не было ни в тот момент, ни впоследствии.

Апостол Павел говорит: «Всегда радуйтесь». И отец Кирилл, каким я его запомнил, всегда был радостным. Говорят, он мог быть и строгим, но я никогда его таким не видел. Он был носителем какой-то особой, внутренней и тихой радости, которая передавалась через его взгляд, улыбку, через произносимые им очень простые слова.

За все годы нашего общения я не помню, чтобы он сказал что-нибудь яркое или запоминающееся. Смысл общения вообще состоял не в том, чтобы от него что-то услышать. Вполне достаточно было просто посмотреть на него, побыть возле него.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Есть такой рассказ из жизни древнего египетского монашества. Однажды к преподобному Антонию Великому пришли посетители, и каждый задавал вопросы. А один сидел и молчал. Преподобный говорит ему:

– А что же ты ничего не спрашиваешь?

Тот отвечает:

– Отче, мне достаточно смотреть на тебя.

Что-то похожее я испытывал, когда приезжал к отцу Кириллу. Было совершенно очевидно, что это святой человек, который пребывает в непрестанном присутствии Бога. Его общение с Богом не могли нарушить даже толпы людей, окружавшие его повсюду, суетившиеся вокруг него, когда он шел на службу или возвращался со службы, а потом до позднего вечера сидевшие в его приемной. Его внутренняя молитвенная сосредоточенность без всяких слов передавалась каждому, кто с ним соприкасался.

В те годы я не задумывался о том, как отцу Кириллу удалось достичь святости. Лишь впоследствии я узнал о его жизненном пути, о том, что он был ветераном войны, об испытаниях, выпавших на его долю. Он редко рассказывал о себе, а если его спрашивали, отвечал кратко, не вдаваясь в подробности.

Детство и юность

Иван Дмитриевич Павлов, будущий архимандрит Кирилл, родился 8 октября 1919 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в деревне Маковские Выселки Рязанской области.

Своим названием деревня обязана селу Маково, находящемуся от нее в двух километрах. Там до сих пор стоит церковь в честь Рождества Богородицы, которая не закрывалась в советское время. В ней Иван был крещен. А в бывшем имении графа Дмитрия Толстого, известного государственного деятеля эпохи Александра II и Александра III, располагалась начальная школа, куда маленький Иван ходил пешком через лес.

Родители его – Дмитрий Афанасьевич и Прасковья Васильевна – были крестьянами, имели пятерых детей. Вместе с родителями, глубоко верующими людьми, маленький Иван посещал храм. У него даже был духовник – местный священник отец Иоанн.

В некоторых источниках говорится, что Иван в двенадцать лет осиротел, жил в семье брата, воспитывался бабушкой. В действительности его мать умерла в 1952 году, а отец в 1963-м. Необходимость переезда к старшему брату была связана с тем, что в селе Маково не было средней школы, а старший брат к тому времени стал учителем в селе Трои-

да Рязанской области. Сюда и переехал Иван, чтобы дальше учиться.

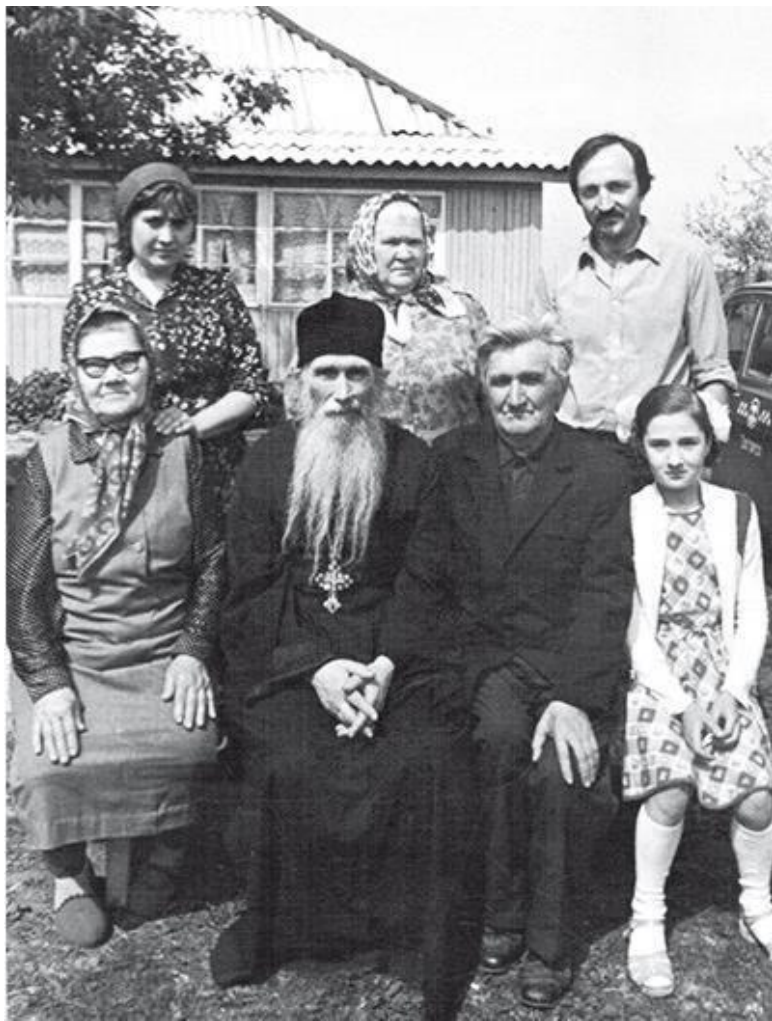
Храм Рождества Богородицы в селе Маково

20-е годы были временем разгула воинствующего атеизма. Священников арестовывали и расстреливали, храмы закрывали. Репрессии в отношении духовенства начались сразу после октябрьской революции, и уже в ленинскую эпоху российская земля обагрилась кровью многих мучеников. В 1922 году основатель советского государства писал в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей: «...Мы

должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

**Первый духовник Ивана Павлова протоиерей
Иоанн Кузьменко**

Архимандрит Кирилл с братом Адрианом, сестрой

Анной и родными. Маково.

1980-е гг.

При Сталине гонения на Церковь только ужесточились. Несмотря на декларацию о лояльности, подписанную митрополитом Сергием от лица Русской Церкви в 1927 году, Сталин настаивал на том, что «партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков потому, что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплуататорские классы и проповедующего повиновение этим классам». Сталин считал, что меры по ликвидации духовенства, принятые при Ленине, были недостаточны: «Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано».

Изъятие церковных ценностей

Борьба с религией велась на всех фронтах. Огромными тиражами печаталась и распространялась антирелигиозная литература. Священнослужителей обвиняли в том, что они являются эксплуататорами народных масс, приспешниками мирового империализма, выразителями интересов кулачества, противниками коллективизации и других проектов советской власти.

От своих соратников по партии Сталин требовал «связать широкую массовую антирелигиозную кампанию с борьбой

за кровные интересы народных масс и повести ее таким образом, чтобы она, эта кампания, была поддержана массами». Но поскольку массы не спешили оказывать поддержку воинствующему атеизму, были изобретены разнообразные карательные меры, применявшиеся и к духовенству, и к простым верующим.

БЕЗБОЖНИК

Советский антирелигиозный агитационный плакат.

1920-30-е гг.

Детям в школе внушали, что Бога нет, а человек произошел от обезьяны. Религиозные предрассудки объявлялись несовместимыми с советским строем, детей заставляли писать сочинения на антирелигиозные темы. В декабре 1928 года газета «Правда» публиковала следующие директивы: «Школа должна пропитать всё воспитание детей элементами антирелигиозности, помогая ребенку освобождать себя от влияния Церкви, которое проводится через семью и теми многочисленными средствами, которые находятся в распоряжении религиозных организаций».

РЕЛИГИЯ-ЯД

БЕРЕГИ РЕБЯТ

„Религия на -басени осбел“.
Анаст Куд Таршановна, 1938 г.

Советский антирелигиозный плакат.

1930 г.

Для борьбы с религией была создана всероссийская организация – Союз воинствующих безбожников. В сентябре 1929 года газета «Безбожник» по итогам второго съезда этой организации писала: «Не должно быть ни одного предприятия, ни одного совхоза, колхоза и части Красной армии без ячейки Союза воинствующих безбожников, не должно быть ни одной школы без такой ячейки, не должно быть ни одного пионерского отряда без детской группы безбожников».

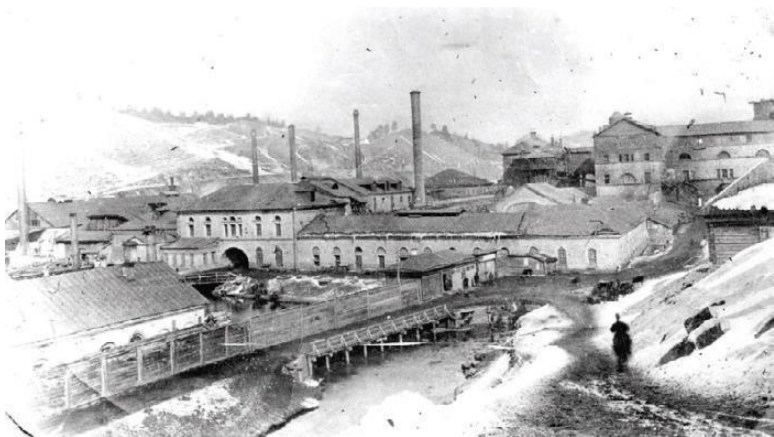
Неудивительно, что в условиях разгула воинствующего атеизма двенадцатилетний крестьянский мальчик мог отойти от Церкви. В селе, куда переехал Иван Павлов, все еще действовал Троицкий храм с приделом во имя преподобного Сергия Радонежского. Но к тому времени Иван уже не ходил в храм. Сказалась и атмосфера, царившая в семье брата, где в Бога не верили, и атеистическое школьное воспитание, и антирелигиозная пропаганда, развернутая по всей стране.

Даже в наше время, когда нет гонений на Церковь и атеизм никому не навязывается, можно наблюдать, как дети, воспитанные в вере, именно в возрасте одиннадцати-двенадцати лет перестают ходить в храм. Причины могут быть разные: ослабление влияния родителей, усиление влияния сверстников, переход от возраста, в котором все воспринимается на веру, к возрасту, в котором человек начинает все подвергать

сомнению. Так или иначе, из всех возрастных категорий та, которая охватывает молодежь от двенадцати до двадцати пяти лет, оказывается самой далекой от Церкви.

В 1934 году Иван поступил в Касимовский индустриальный техникум, который окончил четыре года спустя по специальности «техник-технолог по холодной обработке металлов резанием». По распределению попал на завод в поселок Катав-Ивановский Челябинской области. Однако работать ему там пришлось всего лишь год с небольшим.

В 1939 году в стране ввели всеобщую воинскую повинность, и Иван Павлов был призван на срочную службу. Его отправили на Дальний Восток, где шла необъявленная война между СССР и Японией. Время от времени вспыхивали боевые действия. В 1938 году войска обеих сторон понесли большие потери в боях на озере Хасан, а в 1939-м – на реке Халхин-Гол.

Вид Катав-Ивановска.

Фото нач. XX в.

После Халхин-Гола отношения между СССР и Японией в некоторой степени нормализовались, и 13 апреля 1941 года две страны подписали пакт о нейтралитете сроком на четыре года. В отличие от пакта Молотова-Риббентропа, этот пакт не был нарушен и сохранял свое действие вплоть до апреля 1945-го.

Несмотря на напряженную приграничную обстановку, рядовому Павлову не пришлось принимать участия в боевых действиях на Дальнем Востоке. Его служба проходила спокойно, и в октябре 1941-го он должен был демобилизоваться.

Война

Все изменилось с началом Великой Отечественной войны. Ее Иван Павлов встретил в селе Барабаш Хасанского района, где служил солдатом в 96-м саперном батальоне 92-й стрелковой дивизии 10-й Краснознаменной армии. В воскресный день 22 июня 1941 года он с другом был в увольнении. Они сидели на берегу залива Петра Великого и вдруг увидели, как вокруг началась беготня. Поднялись на набережную, а там кричат: «Война, война!»

Уже в сентябре его воинскую часть отправили в Москву. Добираться до столицы пришлось два месяца. Приехали в сильные морозы. Москва в это время находилась на осадном положении, немцы захватили подмосковные города Клин, Солнечногорск, Яхрому, до границ Москвы им осталось 17 километров, до стен Кремля – 29.

В городе, между тем, полным ходом шла комплектация воинских частей для отправки на разные участки фронта. Ивана Павлова отправили на Волховский фронт, где он попал в противотанковый расчет.

Москва.

1941 г.

Советская армия оказалась не готова к войне. Одной из главных причин этого были массовые репрессии в армии, инициированные Сталиным. В период с 1936 по 1938 годы из 767 высших руководителей армии и флота было репрессировано 503 человека, то есть 65 процентов всего командного состава, в том числе расстреляно 412 человек. Гитлер знал, что советская армия обезглавлена и ослаблена, когда принимал решение о нападении.

Кроме того, в самый неподходящий момент руководством

страны были затеяны реформы в армии. В мае 1941-го была предпринята реформа бронетанковых войск, в результате которой прямо перед началом войны были сформированы новые танковые и моторизованные дивизии, не успевшие пройти подготовку. Аналогичная реформа военной авиации привела к созданию новых формирований, для которых не хватало персонала, в том числе наземного. В результате самолеты стояли под открытым небом, не защищенные ангарами, и это давало немцам возможность бомбить их до того, как они успевали взлететь.

Значительная часть военной техники была устаревшей или непригодной для ведения боевых операций. Так, например, на вооружении имелось большое количество старых самолетов, а из числа более новых истребителей основная модель – МиГ-3 – была не приспособлена к бою на низкой высоте. Для этих истребителей не хватало летчиков, способных ими управлять.

До последнего момента Сталин не верил в то, что Гитлер может напасть, несмотря на донесения разведчиков, предупреждавшие об этом. В частности, знаменитый впоследствии Рихард Зорге неоднократно доносил о готовящемся нападении, указал даже его дату. Но Сталин наложил на это донесение матерную резолюцию и сдал его в архив.

Иван Павлов с сестрами.

1943 г.

Причины неготовности Советского Союза к войне с Германией продолжают обсуждаться в научной литературе. Но те, кто столкнулся с немецкой военной армадой в первые месяцы войны, вряд ли знали об этих причинах. Одним из них был Иван Павлов, будущий архимандрит Кирилл. Много лет спустя, беседуя с братией Даниловского монастыря, он со свойственной ему простотой отвечал на вопросы о том, с чего для него началась война:

– Страшно было?

– Страшно... Мы ж не обстреляны были. Первый раз поехали, только сошли с эшелона – налетели немецкие коршуны – весь состав раздробили.

– Это где было?

– Это было на Волховском фронте, недалеко от Тихвины – станция Хвойная. Только-только мы сошли с эшелона, нас в лес отвели – а немецкая разведка уже узнала. Сразу, моментально – бомбят, только щепки летят. Немецкий бомбардировщик, как коршун, летает над головой и из пулемета строчит. Людей – и мирских, и военных – расстреливает в упор. Сразу – и убитые появились, и раненые. Зима была, снег кровью обагрился...

– Наши бойцы в регулярных войсках были верующими?

– Не... Молодежь – нет.

– А как они воспринимали войну?

– Знаете, в армии в этом отношении подковывали солдат. Недаром каждый день занятия были, политминутки. Политруки работали, настраивали на защиту Отечества от немецких захватчиков.

– А те, кого призвали в день войны, были верующими?

– Ну, из тех были верующие – потому что там уже старички такие пришли.

– Как они войну воспринимали? Как попущение Божие?

– Я не знаю, что у них было на уме. Некоторые мечтали – лишь бы в больницу попасть, отдохнуть там. Так ни одна

болезнь не брала. Переходы ведь по 70 километров делали пешком – недоедали, не спали... Плутуются, бедняжки, обес-
силенные.

– Недавно книга вышла, в которой доказывается, что мы сами хотели напасть на Германию, а Гитлер нас опередил.

– Нет-нет. Все-таки мы неподготовленные вступили в войну. Я был очевидцем, как наши «ястребки», «яки», встречались с «мессершмитами» – наши самолеты падали за раз: загораются и падают. И «яки» боялись: появлялся «мессершмит» – они все врассыпную.

– Немецкие самолеты хорошие были?

– Хорошие. Бронированные, маневренные, а наши – что самолеты, что танки – фанерные...

– А как же так получилось – ожидали, что будет война, и не подготовились?

– Наверное, слишком много думали о себе. Хотели шапками закидать. Мол, не допустим врага на свою землю, а будем его бить только на его территории. Людям вселили такую самонадеянную мысль – и почивали на лаврах.

Самолеты Ил-2.

1941 г.

Волховский фронт был сформирован в декабре 1941 года для противостояния сначала 16-й, потом 18-й немецким армиям группы «Север». В апреле 1942 года в боях у станции Бологое Иван Павлов был ранен, его эвакуировали в госпиталь в Кировскую область. Ранение спасло ему жизнь, так как батальон, в котором он служил, вскоре отправили очищать минные поля, и никто из 400 бойцов с задания не вернулся.

После выздоровления он был направлен на Сталинград-

ский фронт, куда прибыл в июле 1942-го.

Сталинградская битва.

Фотохроника. 1942 г.

Сталинградская битва была одним из самых ожесточенных и кровавых сражений Великой Отечественной войны. Она началась 17 июля 1942 года и в первые четыре месяца имела оборонительный характер. С 19 ноября советские войска перешли в наступление. В общей сложности битва длилась двести дней и ночей, охватила территорию более 100 тысяч квадратных километров при протяженности фронта от 400 до 850 километров. С обеих сторон в битве участво-

– Мы стояли в обороне Сталинграда, примерно в километрах 20-25 от города. В один из воскресных дней августа месяца 1942 года, когда немецкие бомбардировщики в количестве около тысячи самолетов налетели на город, – картина была очень-очень страшная. Город был весь охвачен пожаром, огонь, клубы черного дыма поднимались до облаков. Нас сняли с обороны. Я в это время был ранен.

И вновь ранение спасло ему жизнь, так как его бригада потом воевала в самом городе, понесла большие потери и была переформирована.

Когда 11 октября Иван вернулся на фронт, он был зачислен в 254-ю танковую бригаду. Ожесточенные бои велись в самом городе. Дрались за каждую улицу, за каждый дом.

Символом несокрушимости советских войск стал «дом сержанта Павлова» – жилой дом, который в течение 58 дней удерживала группа солдат несмотря на налеты авиации, минометный и артиллерийский обстрел. В некоторых источниках можно прочитать, что архимандрит Кирилл был тем самым сержантом Павловым, который руководил обороной дома. Однако в действительности это был его однофамилец, которого звали Яков Федорович.

Дом сержанта Павлова.

Наше время

Немецкий генерал Г. Дёрр, участвовавший в боях за Сталинград, впоследствии вспоминал: «За каждый дом, цех, водонапорную башню, насыпь, стену, подвал и, наконец, за каждую кучу мусора велась ожесточенная борьба, которая не имела себе равных даже в период Первой мировой войны с ее гигантским расходом боеприпасов. Расстояние между нашими войсками и противником было предельно малым. Несмотря на массированные действия авиации и артиллерии, выйти из района ближнего боя было невозможно. Русские превосходили немцев в отношении местности и маскировки и были опытнее в баррикадных боях за отдельными домами: они заняли прочную оборону».

Сержант Я. Ф. Павлов

Иван Павлов участвовал в боях, которые велись внутри города:

– Началась артподготовка. Сколько было огня! От Сталинграда вообще ничего не осталось. Ни одного уцелевшего дома, все было в руинах, – вспоминал он впоследствии. – Кто там не был, тот ничего не знает. Порой это было хуже ада. Пережить такое крайне тяжело...

Тяжесть борьбы с внешним врагом усугублялась постоянным наличием внутреннего врага среди военнослужащих.

– Враг был прямо перед тобой, но рядом все время появлялись новые люди, и ты не знал, не был уверен в них. Это и было хуже ада. В аду все страдают одинаково, там не выступишься. Ад – это и страшное духовное страдание здесь, на земле...

Кто эти «новые люди», о которых со свойственной ему сдержанностью и немногословностью вспоминал отец Кирилл? Возможно, это те, кто был способен совершить предательство и перейти на сторону врага. А может быть, те сотрудники советских карательных органов, которые были приставлены к каждому воинскому подразделению, чтобы следить за поведением военнослужащих и, в случае чего, доносить об их неблагонадежности.

Бои в Сталинграде.

1942 г.

Существовали и заградотряды – специальные подразделения, которые располагались позади атакующих с тем, чтобы в случае их бегства с поля боя отлавливать их или расстреливать. По состоянию на 15 октября 1942 года в советской армии было сформировано 193 заградотряда, из них 16 действовали на Сталинградском фронте. По официальным данным, в период с 1 августа по 1 октября 1942 года по Сталинградскому фронту было задержано 15649 человек, из них арестовано 244 человека; расстреляно 278 человек; направлено в штрафные роты 218 человек; направлено в штрафные

батальоны 42 человека; возвращено в свои части и на пере-
сылные пункты 14833 человека.

Об участии красноармейца Павлова в одном из эпизодов Сталинградской битвы известно из его боевой характеристики. В начале января велись ожесточенные бои в районе хутора Цыбенко. Здесь проходили две немецкие оборонительные линии. Немцы придавали стратегическое значение этой позиции и старались всеми силами ее удержать. Но 12 января 1943 года позиция была взята советскими войсками. Иван Павлов в этой операции был подносчиком мин и, согласно характеристике, «своевременно обеспечивал расчет, который уничтожил до 90 солдат и офицеров противника, 3 немецких миномета, 4 автоматчика».

Подносчик перебрасывает комплект боеприпасов.

1941–45 гг.

В течение двух месяцев зимы 1942–43 года бойцы 254-й танковой бригады, в их числе Иван Павлов, прятались в траншеях под толстым слоем снега. Разводить костры было строго запрещено, чтобы не вызвать огонь противника на себя:

– Два метра снег. Вкапывались лишь на метр, так и мерзли, закутавшись в шинели, да еще в трофейные, немецкие. Еду подвозили только ночью, остывшую, мерзлую. Как выжили?.. Чудом Божиим!

В феврале Ивана Павлова как отличившегося в боях представили к вступлению в партию, и 5 февраля он стал кандидатом в члены ВКП(б). Но вступить в партию ему было не суждено: Бог распорядился иначе.

Сталинградская битва считается переломным сражением Великой Отечественной войны: с нее началось отступление немецко-фашистских войск. Но она оказалась переломной и в судьбе Ивана Дмитриевича Павлова. К апрелю 1943 года основные бои в городе закончились, и город представлял собой груды руин, усеянную множеством разлагавшихся тел. Советские солдаты патрулировали город и хоронили трупы.

Армия была деморализована, настроение у многих было подавленное. Общее депрессивное состояние коснулось и Ивана:

– После окончания боев воцарилась мертвая тишина. Зи-

ма, мы несли посты и разбирали трупы – отделяли немцев от наших и хоронили в братских могилах.

Но на руинах одного из домов с ним произошло чудо, о котором он сам впоследствии неоднократно рассказывал:

– Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать ее и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие! Я нашел для себя такое сокровище, такое утешение! Собрал я все листочки вместе – книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною все время. До этого такое смущение было: почему война, почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. А когда стал читать Евангелие – у меня просто глаза прозрели на все окружающее, на все события... Я шел с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом, и я ничего не боялся.

Встреча с Евангелием перевернула жизнь молодого солдата, изменила его отношение ко всему происходившему во круг. Почти сразу же он решил круто изменить свою жизнь:

– Вспомнил, что у нас в церкви служил батюшка, что были гонения и храмы закрывали. Подумал: «Может быть, есть еще школы, где готовят священников?» Тогда дал себе обет: «Если останусь живым, посвящу себя на служение Богу, пойду учиться».

[illegible]

**Анкета вступающего кандидатом в члены ВКП(б)
Ивана Дмитриевича Павлова от 6 февраля 1943 г.**

С Евангелием в руках и с вновь обретенной верой в душе Иван продолжил военную службу. Но теперь уже никак нельзя было вступать в партию. В беседе с монахами Даниловского монастыря отец Кирилл рассказал и об этом:

– А как вас в партию принимали?
– В партию?
– Был такой момент в вашей биографии?
– Чуть-чуть... Половина... Я был не полным партийцем – половинным.

– Кандидатом?
– Кандидатом. Не мог отделаться, защитить себя, мотивировку найти... Я ничего не делал, ни прошений не писал, ничего. Они наметили нас пять человек – дескать, победили под Сталинградом, молодые, дисциплинированные – политрук поручился, прошение написал задним числом. Без меня меня женили.

– А как же вам удалось все-таки избежать вступления в партию?

– Путем мытарства... Гоняли меня. Зайти просто было, а выйти – стоило жизни. Это просто Господь спас.

– А то бы всё? «Могилевская» губерния? По закону военного времени?

– Да-да.

– Но вы же им твердо сказали?

– Твердо, непоколебимо. Проникся духом – всё.

– Как они это восприняли?

– Меня мытарили. Вывели в политотдел корпуса, там полковник старый, татарин, меня так чистил – ой! Пугал, такие каверзные вопросы задавал. Потом говорит: «Да ты засиделся... Тамбов тебе?» Говорит старшине: «Завтра 34-я танковая бригада на передовую едет, его – туда, автоматчиком!» Господь спас. Меня старшина наш повел туда. Ну, автоматчик на танке – это, конечно, смерть. А начальник штаба выходит: «За что его к нам? Чем он провинился?» Он говорит: «За религиозные убеждения. Верующий». А тот отвечает: «У нас таких своих полно. Не надо, голубчик, веди его обратно». Отказался.

– А что, у них действительно было много верующих, что они не знали, что с ними делать?

– Вот не знаю – так он ответил. Повел меня обратно в нашу роту, где я был...

– Вы рассказывали, что в Сталинграде нашли Евангелие.

– Видимо, чтение Евангелия меня и подтолкнуло к мысли выйти из партии. Душа прямо требовала стать снова свободной, чистой. Какой-то гнет, груз лежал на ней. А выйду, думалось, значит, облегченный буду, радостный...

– Вы крест носили?

– Потом уже носил, а вначале нет, не разрешали – проверки были...

Тамбов в годы Великой Отечественной войны

После Сталинграда участникам боев раздавали награды. Иван Павлов из-за отказа вступить в партию награду не получил. Но и в танковую бригаду не попал, а отправили его в составе группы из шестнадцати солдат в совхоз в Павлодарской области убирать арбузы, бахчу и подсолнечник. Так у него появилась месячная передышка.

Покровский храм Тамбова – единственный действовавший храм города в годы войны

В какой-то момент он оказался в Тамбове, где имел возможность посетить только что открытый храм и увидеть, какое значение имеет вера для людей несмотря на гонения предвоенных лет:

– И когда стали открывать храмы, такой был подъем в на-

роде. Народ шел в храмы... После Сталинградской битвы, когда мы прибыли в тамбовские леса на отдых, в один воскресный день я пошел в Тамбов. Там открыли единственный храм. Собор весь был голый, одни стены... Народу – битком. Я был в военной форме, в шинели. Священник отец Иоанн, который стал впоследствии епископом Иннокентием Калининским, такую проникновенную проповедь произнес, что все, сколько было в храме народа, навзрыд плакали. Это был сплошной вопль... Стоишь, и тебя захватывает невольно, настолько трогательные слова произносил священник.

После передышки – снова на фронт. В составе Третьего Украинского фронта красноармеец Иван Павлов освобождал украинские города, затем через Молдавию прошел в Румынию, участвовал в боях возле озера Балатон, где получил ранение.

Епископ Калининский Иннокентий (Леоферов)

Эти бои велись в марте 1945 года и были очень ожесточенными: за одну неделю советские войска потеряли более 32 тысяч человек, из них более 8 тысяч убитыми. Рассказывал он об этом периоде своей жизни без подробностей:

– Наш самоходный полк прошел Румынию, попал в Венгрию, сильные бои были возле озера Балатон. Потеряли 20 самоходок, но мне с Евангелием было не страшно... Дошел до Австрии.

В Австрии красноармейца Ивана Павлова застала новость об окончании войны.

Существует некая путаница относительно того, в каком звании он ее закончил. Иногда его называют сержантом или лейтенантом. На сайте «Подвиг народа» есть две карточки с именем «Павлов Иван Дмитриевич» и краткой биографией, включающей информацию о том, что он стал архимандритом Кириллом. На одной карточке он обозначен как лейтенант, на другой как младший лейтенант. При этом на второй карточке имеется фотография человека, совсем не похожего на будущего архимандрита Кирилла, с погонами младшего лейтенанта и грудью, усыпанной наградами, включая звезду Героя Советского Союза. Такой звезды архимандрит Кирилл не имел. А на вопрос о своем воинском звании он сам дал исчерпывающие ответы:

– А какое у вас звание было, когда война началась?

– А никакое – рядовой...

– А закончили войну вы кем – генералом?

– Нет, рядовым...

– Ну, что же, батюшка, вас за все время войны не повысили ни разу в звании?

– А я не хотел.

– А вас, что, спрашивали?

– Если б хотел – я бы мог.

Великая Отечественная война закончилась 6 мая 1945 года, в день памяти великомученика Георгия Победоносца. Но не для всех. Часть военнослужащих перебросили на дальневосточный фронт, чтобы воевать с Японией. А Иван Павлов оказался на Западной Украине, где отражал атаки бендеровцев. Лишь в декабре 1945 года он демобилизовался, отдав, таким образом, службе в армии семь лет.

Говоря о причинах победы, архимандрит Кирилл обычно указывал на два, с его точки зрения, решающих фактора – во-первых, изменение религиозной политики советского государства во время войны и ослабление гонений на Церковь; во-вторых, выдающуюся роль маршала Жукова:

– Собственно, победа, видимо, и далась нам ради того, чтобы правительство открыло храмы. После этого в корне изменилось положение на фронте. Даже Жуков в своих мемуарах на это внимание обращает. Он говорит, немецкие генералы в начале войны такие стратегические планы строили, а с 1943 года те же самые генералы стали делать ошибки,

ляпсусы – такие, что приходилось только удивляться. А это очень просто. Господь всегда, когда хочет наказать, отнимает разум. Поэтому, когда Господь решил спасти Россию, Он отнял у немецких генералов разум – они стали делать просчеты. А наши умудрились. Тот же Жуков – искуснейший полководец... Как в свое время Господь воздвиг Суворова, Кутузова, так в годы Великой Отечественной войны Он воздвиг Жукова.

Московские духовные школы

После демобилизации Иван Павлов приехал в Москву. Зашел в Елоховский собор и спросил в свечном ящике, есть ли у Церкви учебное заведение, где готовят священников. Оказалось, что есть: недавно открылось. Но надо было ждать до сентября, и он устроился на деревянную базу, где вместе с ним работали заключенные.

Елоховский кафедральный собор.

Москва, 1950-е гг.

Богомольцы перед распятием в годы войны.

Елоховский кафедральный собор, Москва

Открытие в Москве учебного заведения для подготовки священнослужителей стало возможным после встречи Сталина с тремя митрополитами в 1943 году. Вскоре после этой встречи в Церкви были созданы Богословско-пастырские курсы и Богословский институт, которые разместились в Новодевичьем монастыре. Вот как все это выглядело:

– Размещалась тогда наша школа в двух помещениях в Новодевичьем монастыре. В Лопухинском корпусе в верхнем этаже мы занимали четыре комнаты: первая – 35-40 квадратных метров, и вторая, примерно равная ей – там находились первый и второй курсы Богословского института; рядом небольшая комната – учительская, и четвертая – квартира ректора. Богословско-пастырские курсы размещались в нижнем этаже, там же была и кухня. Питание для тех, кто жил в общежитии, было двухразовым: утром – завтрак, потом, в зависимости от времени окончания занятий – обед. Студентам полагалась рабочая карточка, на которую и получали это питание. Завтракали и обедали за теми же столами, за которыми проходили уроки – это обязывало быть аккуратными в отношении своего «рабочего места». Общежитие находилось в Успенском храме, в кладовых, напротив главного входа в трапезную. Там была большая комната, 84 квадратных метра, из нее была отделена фанерной перегородкой небольшая комнатка для воспитателя, а остальное место за-

нимали койки студентов.

Лопухинский корпус Новодевичьего монастыря.

1960-е гг.

Это описание принадлежит митрополиту Волоколамскому Питириму (Нечаеву), который поступил на Богословско-пастырские курсы в 1944 году. Проректором института и курсов был тогда Сергей Савинский, выпускник Киевской духовной академии, который после революции состоял в обновленческом расколе. Среди преподавателей тоже некоторые в свое время прошли через обновленчество, а многие через лагеря и тюрьмы.

**Будущий митрополит Питирим (Нечаев) в годы преподавания в Московской духовной академии.
1950-е гг.**

В прошении на имя инспектора семинарии Иван Павлов излагал причины, побудившие его стремиться к получению духовного образования: «Прошу зачислить меня в состав учащихся для допущения сдачи испытаний на 1-й курс начальной богословской школы, так как у меня было и есть желание учиться в духовной семинарии, и быть Христовым служителем, и потрудиться на этом добром поприще для блага и добра верующих, ибо я сам это испытал на себе, будучи без духовной пищи и во время учебы и фронта. Я всегда ощущал себя невеселым, чего-то мне не хватало. И я не знал, чем себя утешить, и только когда у развалин одного дома в 1943 году я нашел Евангелие и стал его читать, то я стал ощущать приток жизнерадости и всего того доброго и скромного, чего некогда ожидал в своей душе. И у меня тогда появилось желание пойти учиться в духовную школу, хотя и не знал, есть ли они или нет. Обязанности пастыря я уважаю и ценю как один из добрых и полезных трудов, хотя и понимаю, что труд тяжелый. Прошу допустить меня до приемных испытаний».

Протоиерей Николай Чепурин.

Портрет из собрания Церковно-археологического кабинета МДА

Иван Павлов сдавал вступительные экзамены в сентябре 1946-го. Боялся, что провалится, усердно молился. Но так как он хорошо знал Евангелие, то написать сочинение на евангельскую тему оказалось для него несложно, и он был зачислен.

К этому времени Богословский институт был преобразован в Московскую духовную академию, а Богословско-пастырские курсы – в Московскую духовную семинарию. Ректором стал протоиерей Николай Чепурин, который до того долгие годы провел в сталинских лагерях.

Архимандрит Тихон (Агриков) и архимандрит Кирилл (Павлов).

Троице-Сергиева лавра

Архиепископ Сергей (Голубцов)

Об атмосфере в духовных школах этого периода отец Кирилл вспоминает так:

– Мы занимались в классах Новодевичьего монастыря, в храме. Надо сказать, что обстановка тогда была нелегкая. После войны разруха, была карточная система.

И еще одно его свидетельство:

– Время было непростое, напряженное. Потому что, хотя разрешить разрешили духовные школы, но слежка велась за семинаристами – смотрели за каждым шагом. Сколько сажали людей!.. Были соглядатаи, стукачи. Приходилось быть осторожным.

Среди обучавшихся в Московских духовных школах этого времени были и будущие старцы, и будущие архиереи: архимандрит Тихон (Агриков), архимандрит Иоанн (Крестьянкин), архиепископ Сергей (Голубцов), упомянутый митрополит Питирим (Нечаев). Но был, например, и Евграф Дулуман, который через несколько лет после окончания Московской духовной академии публично отречется от веры и станет профессиональным работником антирелигиозного фронта.

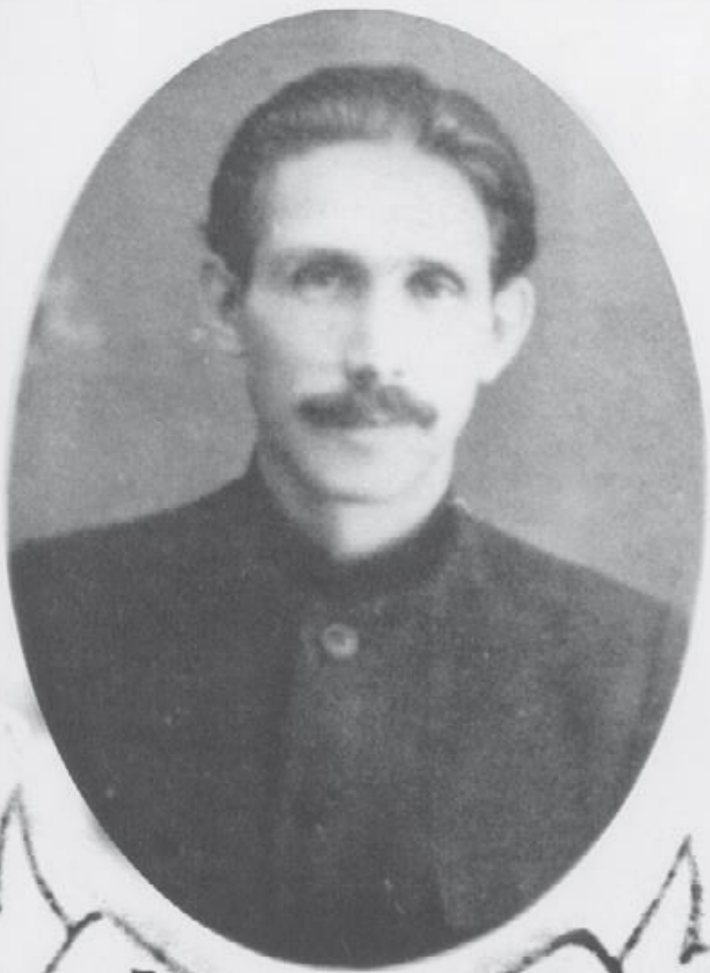
Период между окончанием войны и смертью Сталина в 1953 году обычно рассматривают как относительно благополучный для Русской Православной Церкви. На самом же деле государство по своему характеру оставалось атеистическим, антирелигиозная пропаганда не прекращалась ни

на минуту, а Церковь, несмотря на временные послабления, продолжала фактически находиться в гетто и жила своей, закрытой от общества жизнью.

Иван Павлов (справа) в годы учебы в Московской духовной семинарии

В 1948 году Московская духовная академия и семинария переехали в Троице-Сергиеву лавру. Иван Павлов окончил семинарию в 1950-м, а академию в 1954 году со степенью кандидата богословия за сочинение «Учение о таинствах в творениях Отцов Церкви I–II веков христианства».

И ПАВЛОВ

Студент Московской духовной академии Иван Павлов

Семь лет обучения в Московских духовных школах были для Ивана Павлова временем полного погружения в православное богословие. Как и на фронте, он продолжал ежедневно читать Евангелие, но теперь мог познакомиться с обширными толкованиями на него святителя Иоанна Златоуста и других древних Отцов Церкви. Он основательно изучил Ветхий Завет, догматическое богословие, историю Церкви и другие дисциплины, входившие в семинарский и академический курс.

Иван не отличался выдающи-мися интеллектуальными способностями и не стремился к тому, чтобы стать академическим богословом. Его интересовало прежде всего практическое молитвенное делание, и душа его тяготела к монашеству. В характеристике, полученной им по окончании академии, отмечалось, что он «на протяжении всего времени его занятий в Московских духовных школах был безупречного поведения. Его трудолюбие и прилежание в занятиях, его дружественное, по-товарищески отзывчивое обращение с сокурсниками всегда и всеми отмечались как основные черты его характера».

Экзаменационная сессия в академии завершилась 15 июня 1954 года. В этот день Иван Павлов написал прошение наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту

ту Пимену (Извекову), будущему Патриарху Московскому и всея Руси: «Имея давнее влечение к иноческому образу жизни, я имею сердечное желание в настоящее время после окончания духовной академии поступить в обитель преподобного Сергия и нести все послушания, какие будут на меня возлагаться. Поэтому прошу Вас, отец наместник, принять меня в число послушников братии Троице-Сергиевой лавры».

Троице-Сергиева лавра

Прошение было удовлетворено, и он стал послушником лавры. 25 августа 1954 года наместником лавры архимандритом Пименом он был пострижен в монашество с наречением имени Кирилл в честь преподобного Кирилла Белозерского, день памяти которого (22 июня) совпадает с днем начала войны.

Митрополит Вениамин (Федченков)

8 октября того же года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского и в свой 35-й день рождения, монах Кирилл был рукоположен в сан иеродиакона в Успенском соборе лавры. Рукополагал его митрополит Ростовский и Каменский Вениамин (Федченков) – иерарх с яркой и необычной биографией. В годы революции он занимал должность епископа армии и флота в «Вооруженных силах Юга России», которыми командовал белогвардейский генерал Врангель, а после революции оказался в эмиграции. Долгие годы служил во Франции, потом в Америке, а после войны вернулся в Советский Союз. Он был автором множества богословских и исторических трудов, включая книгу мемуаров, в которой рассказал о революции и о своем участии в Белом движении. Под конец жизни он был многими почитаем как старец.

Иеродиакон Кирилл (Павлов)

Митрополит Иоанн (Разумов)

30 ноября 1954 года в Трапезном храме Троице-Сергиевой лавры иеродиакон Кирилл (Павлов) был рукоположен в сан иеромонаха другим выдающимся иерархом – епископом (впоследствии митрополитом) Псковским и Порховским Иоанном (Разумовым).

Дальнейшая жизнь архимандрита Кирилла небогата внешними событиями. Внешняя канва его биографии вполне соответствовала обычной «карьере» лаврского монаха: через пять лет после рукоположения возведен в сан игумена, а еще через шесть – в сан архимандрита.

Игумен Кирилл (Павлов)

Однако смысл монашеской жизни он видел не в продвижении по служебной лестнице, а в непрестанном внутреннем предстоянии Богу, в молитвенном ходатайстве за ближних и помощи им советом и любовью. Не должности и сан, а этот особый дар – носить в сердце множество людей и представлять за них перед Богом – сделали его уникальным явлением в истории Троице-Сергиевой лавры и в целом Русской Православной Церкви.

К середине 1960-х годов отец Кирилл получил широкую известность в качестве духовного наставника, к которому стекалось множество верующих. Люди шли к нему на исповедь и просто на беседу – чтобы получить от него духовный совет или наставление, чтобы найти помощь в решении внутренних и внешних проблем. Его дверь была открыта для посетителей днем и ночью, но главное – для каждого было открыто его сердце.

Популярность молодого священника не осталась незамеченной за стенами лавры. К тому времени в самом разгаре была очередная волна гонений на Церковь. В отличие от сталинского периода, когда священников физически истребляли, а храмы взрывали, теперь гонения приобрели иной характер. Была сделана ставка на «отмирание» религии как «пережитка прошлого». А дабы помочь этому отмиранию, власти инициировали мощную пропагандистскую кампанию

в прессе. Нападкам подвергались иерархи и выдающиеся пастыри.

Не обошла газетная кампания и отца Кирилла. В загорской газете «Вперед» в 1964–65 годах вышло несколько посвященных ему статей, где он обвинялся в безнравственном поведении, а окружавшие его лица – в мракобесии и кликушестве. Одна из статей так и называлась: «Кликуши отца Кирилла».

Ответом на эту кампанию со стороны пастыря была молитва – универсальный ответ христианина на все посылаемые ему испытания. В Великом посту 1964 года он произнес проповедь «О необходимости молитвы среди искушений», в которой говорил о страданиях Спасителя на Кресте:

– При этом воспоминании само собою возбуждается усердие и пламенение к молитве, возникает сознание необходимости для нас молитвы и уверенность в ее благоуспешности. Необходимость высшей помощи, а вместе и молитвы – для испрашивания этой помощи у Бога – с наибольшей силой осознается душой христианина, когда он с особой ясностью и живостью представляет, с одной стороны, тяжесть и опасность искушений, посещающих его на пути земной жизни, и особенно в трудные минуты крестоношения, и, с другой стороны, крайнюю немощь нашего обреченного на это крестоношение естества.

Для многих людей к тому времени отец Кирилл стал учителем молитвы, в том числе для монашеской братии.

И в 1965 году он был назначен духовником Троице-Сергиевой лавры. Для такой должности 46 лет – достаточно молодой возраст; обычно ее занимают пожилые, умудренные опытом монахи. Но к духовническому служению отец Кирилл был подготовлен всей предшествующей жизнью, включая семь лет армии, семь лет обучения в духовных школах и одиннадцать лет монашеской жизни в Лавре. А потому безропотно принял на себя крест этого служения.

Архимандрит Кирилл (крайний справа) с братией Лавры

Оно стало для него именно крестоношением, потому что

предполагало постоянное многочасовое общение с братией. Практически каждый день во время богослужения он исповедовал монахов. Происходило это, как правило, в алтаре. Монахи выстраивались в очередь и по одному подходили к духовнику. Он внимательно выслушивал каждого и нередко вообще ничего не говорил, а просто читал разрешительную молитву. Иногда же давал простые советы, исходявшие из собственного духовного и жизненного опыта.

Казалось бы, что может быть притягательного в духовнике, который молча выслушивает исповедь, а потом прочитывает разрешительную молитву? Но это молчание отца Кирилла было иной раз красноречивее любых слов. Он не говорил лишь бы сказать что-нибудь, не говорил общих слов и банальностей. Если монах приходил к нему регулярно, он не считал нужным каждый раз что-нибудь произнести в назидание. Достаточно было того, что он молился за кающегося и сочувствовал ему, и всякий, кто у него исповедовался, это ощущал.

Епитимии, то есть наказания за совершённые грехи, отец Кирилл налагал редко, и они не бывали строгими. Он мог посоветовать монаху читать некоторое количество Иисусовых молитв по четкам, или совершать земные поклоны, или читать Евангелие. Но это было не столько наказание за исповеданные грехи, сколько напутствие и совет относительно дальнейшей духовной жизни.

Будучи духовником монашеской братии, отец Кирилл ни-

когда не отказывал в исповеди студентам семинарии и академии, располагающихся в стенах Троице-Сергиевой лавры. Обычно они приходили к нему на исповедь в один из лаврских храмов, а на первой седмице Великого поста он сам приходил в храм Московской духовной академии.

Среди студентов есть как монашествующие и женатые, так и еще размышляющие о жизненном выборе. Отец Кирилл никого из семинаристов не склонял к монашеству или к браку, но выслушивал каждого и помогал ему принять собственное решение.

Это было характерно в целом для духовнического метода отца Кирилла. Он никому не навязывал свою волю и не навязывал какое-либо решение. Если человек искал решения какой-то жизненной ситуации, отец Кирилл помогал ему сделать самостоятельный выбор. Он не был сторонником того, чтобы принимать решения за своих духовных чад.

В этом он отличался от некоторых других духовников, считавших необходимым брать жизнь духовных чад под тотальный контроль вплоть до решения за них вопроса о вступлении в брак или принятии монашества. О таких духовниках говорится в постановлении Священного Синода от 28 декабря 1998 года: «Некоторые священнослужители, получившие от Бога в таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что таковое право означает безраздельную власть над душами людей... Некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют рас-

торжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме. Случается, что духовник настаивает на расторжении брака между супругами, когда один из супругов не принадлежит к православной вере. Иные монашествующие духовники запрещают своим духовным чадам вступление в брак и принуждают их к принятию монашества на том основании, что монашество якобы выше брака. Некоторые пастыри-духовники не допускают к Причастию лиц, живущих в “невенчанном” браке, отождествляя таковой брак с блудом; запрещают своим духовным чадам вступление во второй брак на том основании, что второй брак якобы осуждается Церковью: запрещают супружеским парам развод в том случае, когда в силу тех или иных обстоятельств семейная жизнь становится для супругов невозможной. Имеют место случаи, когда пастырь “не благословляет” тому или иному из своих прихожан жениться или выйти замуж по любви, но предлагает “по послушанию” вступить в брак с лицом, рекомендованным самим пастырем».

Описанный здесь тип духовного руководства прямо противоположен тому, который на протяжении своего долгого служения практиковал отец Кирилл. Очень часто к нему приходили с конкретным вопросом, а он вместо ответа спрашивал:

– Что ты сам думаешь? Как ты видишь решение?

И человек начинал рассуждать, а отец Кирилл мягко под-

талкивал его к какому-то решению, которое должно было созреть внутри вопрошавшего, стать его собственным, а не навязанным извне.

Архимандрит Кирилл (справа) за богослужением в

Троице-Сергиевой лавре

Даже в тех случаях, когда отец Кирилл давал конкретный ответ на конкретный вопрос (например, принимать ли человеку ту или иную должность), он не требовал исполнения своей воли, но предоставлял каждому право поступить так, как тот считает нужным. При этом те, кто не послушался его, очень часто впоследствии раскаивались. Но он не укорял их за непослушание, а просто помогал дальше идти по жизни.

Если к отцу Кириллу приходил семинарист за благословением на монашество, он внимательно испытывал серьезность его намерений, и только убедившись в ней, давал свое благословение. То же самое касалось благословения на брак. Если же семинарист колебался в выборе пути, то отец Кирилл советовал ему читать Евангелие, молиться о том, чтобы Господь Сам его вразумил, и не спешить с принятием решения.

Архимандрит Кирилл за богослужением

Чтение Евангелия отец Кирилл считал необходимым для каждого христианина, будь то монаха или мирянина. Не следует забывать о том, что и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы Евангелия не было в открытой книжной продаже. У отца Кирилла всегда был запас Евангелий, изданных за границей, которые он раздавал тем, у кого их не было. Сам он всегда носил с собой потрепанное Евангелие и иногда доставал его из кармана даже во время богослужения, чтобы прочитать несколь-

ко строк. С того момента, когда он нашел Евангелие на развалинах дома в разбомбленном Сталинграде, он вообще не расставался с этой книгой.

– Когда мы молимся, мы беседуем с Богом, а когда читаем Евангелие, то Господь беседует с нами, – говорил отец Кирилл.

Архимандрит Кирилл с посетителями и паломниками

Иными словами, в молитве мы задаем Богу вопросы, а в Евангелии получаем от Него ответы. У отца Кирилла диалог с Богом через молитву и чтение Евангелия никогда не прекращался, и всем своим духовным чадам он советовал:

– Читайте как можно больше Евангелие!

Архимандрит Кирилл с посетителями

В 80-е и 90-е годы отец Кирилл по вечерам читал Библию для всех желающих. Происходило это так: «Чтение начиналось в девять вечера и длилось около часа. Затем на некоторое время чтения переместились в помещение под Трапезным храмом. На чтения приходили все желающие: студенты духовной школы, преподаватели, братия лавры. С приближением времени все собирались, и келейник или сам отец Кирилл приглашал. Произносилась молитва, все рассаживались. Отец Кирилл садился в кресло и начинал читать. Встречающиеся малопонятные места он пояснял. Присутствующие могли задавать вопросы, если им было что-то непонятно. Около десяти вечера чтение заканчивалось, все вставали, и отец Кирилл произносил молитву. Келейник приносил после этого бутерброды. Так заканчивалось чтение».

День отца Кирилла обычно начинался рано утром, а заканчивался глубоко за полночь. Он всегда участвовал в братском молебне в половине шестого утра. Затем шел на литургию и либо служил сам, либо молился, вынимал частицы из просфор за здравие и за упокой. Часто во время литургии он исповедовал братию, а продолжал исповедь на вечернем богослужении.

Архимандрит Кирилл с богомольцами

По окончании утренней службы он начинал принимать людей, и это продолжалось почти до обеда. Перед общим братским обедом, в котором отец Кирилл всегда участвовал, он читал дневное молитвенное правило. А после обеда снова возвращался к людям. Вечером опять богослужение, потом ужин в келье, а затем прием посетителей до одиннадцати ве-

чера. После этого еще приходили монахи на беседу.

Те, кто посещал его в вечернее время, рассказывают, что иногда он так уставал, что мог задремать во время разговора. Бывали у него и редкие выходные, когда он никого не принимал, а отсыпался в келье.

С годами его слава росла, и к нему стали относиться как к прозорливому старцу. Некоторые ехали к нему, чтобы получить предсказание на будущее. Отец Кирилл всегда отвергал попытки увидеть в нем оракула. Своим смирением и беззлобием он обезоруживал тех, кто ожидал от него чего-то большего, чем он мог или хотел дать. Но именно через его простые и смиренные советы обнаруживалась та духовная мудрость, которая могла полностью преобразить жизнь человека, в корне изменить его отношение к окружающему миру, заставить его отказаться от многолетних вредных привычек.

Однажды к нему пришел высокопоставленный чиновник, имевший слабость к алкоголю. Отец Кирилл сначала сказал:

– Давай помолимся.

И стал читать молитвы, обернувшись к пришедшему спиной. А того человека вдруг прошибла дрожь, он вспомнил всю свою жизнь и впервые испытал раскаяние в совершённых грехах. Потом он исповедовался отцу Кириллу и услышал от него короткое наставление:

– Больше не пить ни капли.

С этого момента тяга к алкоголю покинула его раз и на-

всегда.

Архимандрит Кирилл и Святейший Патриарх Пимен

Такие перемены случались с приходившими к отцу Ки-

риллу постоянно. Его проповедь была, по словам апостола Павла, «не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы». Он говорил немного, но то, что говорил, было всегда в точку. И то, чего другие не могли добиться годами внушений и самовнушений, он добивался молитвой, за которой следовало простое и безыскусное наставление, воспринимавшееся посетителем как немедленный призыв к действию и исполнению.

Будучи на протяжении многих лет казначеем лавры и имея постоянный доступ к деньгам, отец Кирилл в личной жизни был бесребреником. Но посетителям он нередко помогал деньгами, так как к нему приходило много нуждающихся. Деньги на благотворительную помощь он черпал не из монастырской казны, а из пожертвований состоятельных людей, посещавших его. Это была своеобразная касса взаимопомощи, подобная той, которая создавалась в свое время у святого Иоанна Кронштадтского.

Кроме того, через отца Кирилла постоянно тек поток духовной литературы. Помимо Евангелий, это были молитвословы, а также перепечатанные на машинке или размноженные на ксероксе творения Отцов Церкви. Некоторые его духовные чада по его благословению занимались перепечаткой духовных книг, а он потом эти книги раздавал людям.

Отца Кирилла часто называют «духовником трех Патриархов», имея в виду, что у него исповедовались Патриархи Алексей I, Пимен и Алексей II. Приезжали к нему на ис-

поведь и многие архиереи, и наместники монастырей, и настоятели приходов. Священнослужителю, особенно иерарху, иной раз непросто бывает найти духовника, перед которым можно открыть самые сокровенные тайники сердца, которому можно рассказать о том, что более всего беспокоит и тяготит. Но перед отцом Кириллом не боялись исповедоваться даже самые высокопоставленные служители Церкви, потому что каждого он покрывал отеческой любовью.

Проповеди отца Кирилла

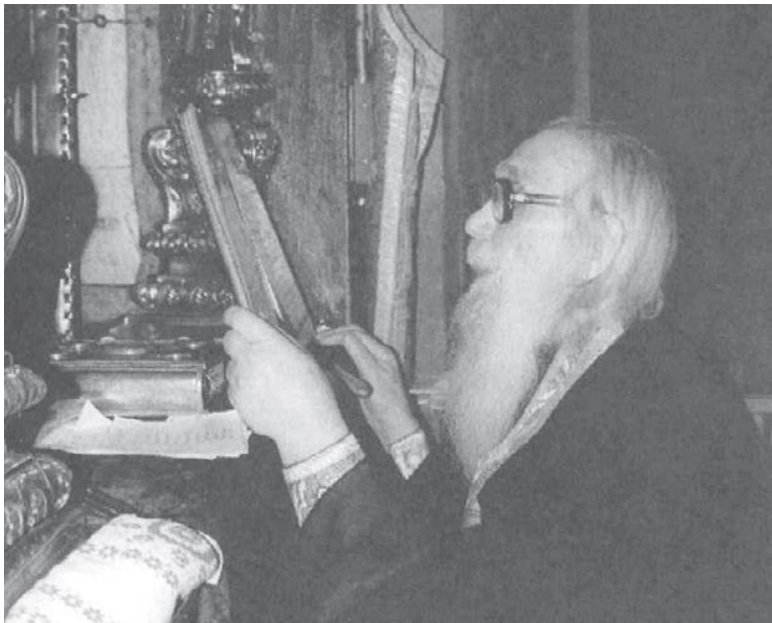
Одна из проповедей отца Кирилла называется «О силе смиренного и кроткого слова». Она посвящена преподобному Сергию Радонежскому. Проповедник напоминает о том, что «преподобный имел обычай каждую ночь дозором обходить кельи братии и легким стуком в окно или дверь напоминать празднословящим, что для инока есть лучшее занятие – как проводить свободное время. И наутро осторожными намеками, прямо не обличая виновного, тихими и кроткими своими речами он вызывал у провинившихся раскаяние без всякой досады. Благодаря своему кроткому слову преподобный вызывал из глубин людских сердец добрые чувства и располагал их к себе».

Даниил Черный. Прп. Сергей Радонежский.

Икона

Таким же – смиренным и кротким – было и слово самого отца Кирилла. На протяжении нескольких десятилетий он проповедовал за Божественной литургией в храмах Троице-Сергиевой лавры. Его проповеди отличались простотой и безыскусностью. Он не принадлежал к числу ярких проповедников, способных поразить слушателей оригинальностью мысли или красотой языка. Но за его простыми поучениями стоял огромный духовный опыт, и всякий, кто слушал его, чувствовал это.

**Архимандрит Кирилл у мощей прп. Сергия.
Троице-Сергиева лавра**

Тема смирения проходит лейтмотивом через многие проповеди и поучения отца Кирилла. Он напоминал о том, что первой в списке блаженств стоит заповедь «Блаженны нищие духом»: «Прежде других заповедей Господь говорит о необходимости стяжания нищеты духовной, тем самым показывая, что без смирения нельзя быть истинным христианином... Ублажая нищих духом, смиренных, Господь усваивает

им Царство Небесное. Еще в этой жизни смиренные духом уже предвкушают сие Царство, то есть ощущают мир своей совести и то благодатное утешение, которым Царство Божие характеризуется... Полное же наслаждение нищие духом ощутят в будущей жизни, вступив в ничем уже не прерываемое общение со Христом».

Кто такие нищие духом? «Это смиренные духом люди, смиренно думающие о себе в глубоком убеждении, что у человека ничего нет собственного, а всё, чем пользуется он, есть дар Божий; что силы душевные и телесные мы имеем от Бога и поэтому без Бога, без Его благодатной помощи не можем исполнять и заповедей Божиих, не можем делать добро, не можем быть угодными Ему. Так сознающие свою зависимость от Бога ничего себе не присваивают, но все свои преимущества, внутренние и внешние, приписывают Богу и, благоговая пред Ним, Подателем всех даров, самих себя почитают за ничто».

Смирению и нищете духовной противоположна гордость. Из-за гордости денница ниспал с неба, и Адама и Еву к грехопадению привела гордость. А что привело к падению еврейский народ? «Гордость, превозношение своей мнимой праведностью. Гордые и самонадеянные иудеи считали себя ближе всех других людей к Богу, они воображали себя богатыми по душе и потому достойными блаженства. “Мы семья Авраамова”, – говорили о себе иудеи, своей кичливостью закрывая для себя врата Царства Небесного. Заглядываясь

на свои мнимые достоинства, они не видели своих недостатков, которые день ото дня всё больше и больше возрастали в их душах».

Сродни смирению другая христианская добродетель – кротость. Об этой добродетели отец Кирилл говорит много и вдохновенно: «Кроткий человек никогда не платит злом за зло, обидой за обиду; не сердится, не возвышает в гневе голоса на согрешающих и обижающих. Кроткий, будучи укоряем, не укоряет, терпя злострадания и напасти от других, не грозит мщением, но предоставляет мстить за себя Судии Праведному. В многосложной земной человеческой жизни встречаются разные обстоятельства, которые требуют, чтобы человек, не считаясь со своим личным спокойствием, всей душой встал на защиту правды и закона. И вот в этом случае и открывается высокое достоинство кроткого человека: в том, что он умеет превосходно защищать святую правду и честь без всякого раздражения и страстного волнения. Кроткий человек умеет искусно обличать нарушителей правды, не оскорбляя их. И когда они, движимые собственной злобой, осыпают его укоризнами, он великодушно принимает их и не отвечает тем же; ударяемый в одну ланиту, он всегда готов бывает, по заповеди Христа, подставить и другую».

Кротость отнюдь не тождественна природному мягкосердечию и тихости характера. Та кротость, которая делает человека блаженным, это «не дар природы, но плод веры

и любви к Господу Иисусу Христу, смиряющей гордость нашего ума и смягчающей жестокость нашего сердца». При всей привлекательной внешней скромности «нет и не может быть истинной кротости там, где нет сознания грехов и душевных немощей, где нет чувства умиления и сокрушения и нет частых благоговейных воззрений на святую жизнь Спасителя нашего Иисуса Христа».

Интерьер Успенского собора Троице-Сергиевой лавры

Бывает кротость ума, кротость сердца и кротость уст и языка. Первая есть не что иное как «вера в Божествен-

ное Откровение, когда человек с младенческой простотой принимает слово Божие и полагает его в основание своей внутренней и внешней жизни». Вторая есть «послушание, когда человек, отвергая собственную волю, со всей готовностью покоряется воле Божией и свято исполняет заповеди Небесного Отца; удерживает нечистые порывы своего гнева и ярости, сохраняет благое расположение ко врагам и обидчикам, прощая наносимые ему обиды». А третья – «смирненное молчание, когда человек, убегая празднословия и срамословия, противных любви христианской, хранит благоговейное и спасительное безмолвие».

В своих проповедях отец Кирилл постоянно призывает читать Евангелие. И не просто читать, но сверять с ним свою жизнь: «С того времени, когда Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос пролил на Голгофе Свою Божественную бесценную Кровь за спасение всего мира, на земле было положено основание христианской веры. Учение Иисуса Христа, известное нам из Евангелия, стало быстро распространяться по всему миру. И люди, которые приняли Христа, уверовали в Него как в Сына Божия, приняли и Его учение, стали называться христианами. И в настоящее время многие миллионы людей считают себя христианами и, значит, признают Евангелие первую книгою в мире. Книгою, в которой содержится учение Господа нашего Иисуса Христа о том, как надо жить здесь, на земле, чтобы сподобиться после смерти, за гробом, вечной блаженной жизни, а также и в этой жиз-

ни еще – земного благополучия. Но что удивительно, к при-
скорбию нашему, очень немногие следуют тому, что написа-
но в Евангелии. Большинство даже не берут Евангелие в ру-
ки и не проверяют себя по Евангелию».

Когда отец Кирилл говорил о тех, кто не читает Еванге-
лие, он переходил на обычно не свойственный ему обличи-
тельный тон: «Брали ли вы в свои руки святое Евангелие
с той целью, чтобы проверить, по тому ли пути вы идете, ка-
кой в нем указан Господом нашим Иисусом Христом? Если
вы этого не делаете, то вы совершаете роковую ошибку, ги-
бельную для вас. Этим вы показываете, что вы ни во что це-
ните Божественную Кровь, пролитую Господом на Кресте,
и ни во что вменяете возвещенное Им святое Евангелие, ко-
торое есть путь, истина и жизнь для всего мира в целом и в
частности для каждого человека. Как нет ни одного имени
под небом, данного нам, которое могло бы нас спасти, кро-
ме имени Иисуса Христа, так нет и другого учения во всем
мире, которое бы указывало прямой путь для достижения
вечного блаженства и земного благополучия, кроме учения
евангельского».

Архимандрит Кирилл на богослужении.

Троице-Сергиева лавра

Слово Божие обладает особой животворной силой. Об этом отец Кирилл говорит, используя образы, взятые из Евангелия: «Без слова Божия мы не могли бы вести и жизни действительно нравственной. Только слово Божие ясно определяет, в чем состоит существо и совершенство истинно нравственной жизни. Слово Божие есть то духовное, Божественное семя, от которого зачинается и возрастает духовный человек... Нага и безобразна, мертва и безжизненна сама по себе земля, но бросьте в нее семена, и пусть орошится она дождевыми каплями, согреется лучами солнечными – и она украсится многообразными, золотистыми цветами, плодами и злаками. Мертва и безобразна сама по себе греховная наша природа падшего человека, способная только к возвращению греховных помыслов, чувств и неправд от самой юности до престарелого возраста. Но когда посеется на ней живое семя слова Божия и благовествования Христова, когда орошится она благодатью Христовой и согреется дыханием Пресвятого Духа, тогда возникает в ней новая жизнь. Она облекается, как приятною зеленою, одеждою святых помыслов, благоговейных чувств, намерений и желаний; она благоухает цветами благих дел и плодов Святого Духа: любовью, радостью, миром, долготерпением, благостью, милосердием, верою, кротостью, воздержанием».

Архимандрит Кирилл (Павлов).

1980-е гг.

Слово Божие сравнивается с водой, которая дает жизнь всему живому: «Нам известно, что без воды всё умирает. Где нет дождей, где не текут реки, там не произрастает никаких деревьев и растений, но всё бывает покрыто песком, и такие места называются пустынями. Одним видом своим наводят они на душу человека страх и отчаяние. Такое значение в нашей жизни и жизни растительного мира имеет вода вещественная. Но есть еще и вода живая, небесная, которая еще нужнее и которую Господь заповедует всем искать. Вода эта есть прежде всего благодатное учение Христово: когда оно принимается душой, то дает душе блаженство и жизнь. Напротив, когда в душе нет сего учения, тогда душа томится, сохнет, каменеет и вся человеческая жизнь становится похожей на пустыню, где для человека только страх, или скорбь, или терзание».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.